

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штрэнге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
П. Е. Заславский. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Мамк. Из исследований дискуссионного письма восстания парижских рабочих	519
Р. А. Авербух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало мелкобуржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
Н. Н. Замберфорд. Коммунистическое значение фюрерства	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Новиков. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Давыдовский. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1849 гг.	601
А. З. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Либер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Ковалев. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эдлер. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

ФРАНЦУЗСКИЕ УТОПИЧЕСКИЕ
СОЦИАЛИСТЫ
И БУРЖУАЗНАЯ ТЕОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
XIX в.

Буржуазная историческая наука давно пережила период своего подъема. Вершиной развития всей буржуазной исторической мысли была известная теория классовой борьбы, созданная французскими буржуазными историками периода реставрации (О. Тьерри, Гизо, Минье, Тьер). Указывая на этот факт, К. Маркс писал: «...мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба necessarily ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к бесклассовому обществу*»¹. Как подчеркивал В. И. Ленин, в этой формуле К. Марксу «...удалось выразить с поразительной рельефностью... главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии...»².

Настоящая статья является попыткой исследовать, что кроется за тезисом К. Маркса о том, что историческое развитие классовой борьбы изложили буржуазные историки еще задолго до появления марксизма, каково происхождение и конкретное содержание буржуазной теории классовой борьбы как наивысшего достижения буржуазной исторической мысли?

* * *

Оценивая историческую роль буржуазии, следует иметь в виду, как известно, две стороны дела. С одной стороны, буржуазия и ее идеология сыграли глубоко прогрессивную роль в борьбе с феодализмом за установление более прогрессивного капиталистического строя. В этой связи буржуазная теория классовой борьбы как составная часть буржуазной идеологии сыграла крупную прогрессивную роль в период реставрации (1815—1830), когда французская буржуазия, отнесенная от власти, вновь вела борьбу за ее завоевание. С другой стороны, нельзя забывать о классовой ограниченности буржуазии и ее идеологии; печать этой ограниченности лежит на деятельности буржуазии уже в самую ее раннюю пору. Говоря о борьбе буржуазии за власть, К. Маркс подчеркивал: «Буржуазия — по меньшей мере класс, лишенный героизма. Даже свои наи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 145—146.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 383.

более блестящие достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не она сама завоевала для себя, а их для нее завоевали плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»¹. Опыт истории показывает, что это положение К. Маркса следует распространить и на буржуазную идеологию; подобно тому, как буржуазия использовала плебейские массы в своей политической борьбе, она использовала и их идеи. Французские историки периода реставрации, являвшиеся крупными идеологами буржуазии, создали свою теорию классовой борьбы, интерпретировав в интересах буржуазии те идеи, которые были созданы идеологами раннего пролетариата. Это нетрудно видеть, если проследить историческое развитие идей классовой борьбы до выступления историков периода реставрации и исследовать политическую сущность их теории.

Родиной домарксовской теории борьбы классов явилась Франция. Это было вполне закономерно: с конца XVIII в. и до рождения марксизма Франция была центром революционного движения, страной, проделавшей три революции в течение периода немногим больше полувека. Не случайно поэтому, что первые элементы домарксовского понимания классов и классовой борьбы во французской историографии появляются в период обострения социальных отношений накануне французской буржуазной революции конца XVIII в., известный как эпоха Просвещения. При этом бросается в глаза достойный внимания факт — ни у одного из идеологов буржуазии — Вольтера, энциклопедистов и даже представителя радикальной буржуазии Руссо — мы не встречаем каких-либо элементов в понимании классов и их борьбы. Несмотря на то, что перед французской буржуазией в то время уже был опыт нидерландской и английской буржуазных революций, идеологи буржуазии предреволюционной Франции не поднялись до вершин тогдашней политической мысли. Они придерживались традиционного деления французского общества на три «сословия» — духовенство, дворянство и «третье сословие», включавшее, как известно, различные классы и социальные группы, они отрицали борьбу внутри «третьего сословия», а его победу над абсолютизмом представляли как компромисс буржуазии с дворянским режимом в форме конституционной монархии. Руссо, ушедший в своих политических взглядах и исторических построениях гораздо дальше Вольтера и энциклопедистов, выдвигавший идею демократической республики и принцип народного суверенитета, не поднялся до идеи восстания против дворянских порядков и оперировал всеобъемлющим понятием «народ», отрицая классовые различия внутри «третьего сословия».

Мысли, относящиеся к пониманию классов и классовой борьбы, — это были еще незрелые попытки объяснить борьбу классов, — мы встречаем у идеологов народных масс. В первой половине XVIII в. такие мысли высказал Жан Мелье. Из широко распространенной тогда теории естественного права, при помощи которой буржуазия обосновывала свое право на власть, Мелье делал выводы, резко отличавшиеся от выводов идеологов буржуазии. Нарушением естественного права он считал не только неравенство политическое, чем обычно ограничивались идеологи буржуазии, а и неравенство социальное. Дворянство является угнетателем не только в силу своих политических прав, но и потому, что в его руках право на владение землей. Таким же угнетателем выступает и церковь, имеющая над народом, кроме того, духовную власть, в основе которой лежит сознательный обман людей. Дворянство и духовенство поэтому являются тормозом дальнейшего развития общества. Угнетенное крестьянство по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 83.

ставлено в рабское положение, волей дворян лишено принадлежащих ему естественных прав. Мелье решительно убежден, что существует единственное средство восстановить поправное естественное право — массовое восстание против дворян и духовенства; к этому восстанию он страстно призывает. Цель восстания — установление коммунистического общества. Это общество Мелье представляет в грубо уравнилельной, утопической форме, однако обращают на себя внимание такие мероприятия, как превращение земли в общенародную собственность и обязательность труда для всех членов общества.

Идею классов и классовой борьбы мы встречаем далее у представителя крайнего левого крыла французских просветителей — социалиста-утописта XVIII в. Мабли, являвшегося вместе со своим современником Морелли выразителем чаяний пролетарско-плебейских масс того времени. «Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей; доказывалась необходимость уничтожить не только классовые привилегии, но и самые классы»¹. Теории Морелли и Мабли явились идеологическим выражением того факта, что уже в период назревания французской буржуазной революции конца XVIII в. пролетарско-плебейские массы, выступавшие под руководством буржуазии против феодализма, связывали с революцией совсем иные задачи, чем сама буржуазия. Вместе с тем эти теории носили на себе печать всей незрелости тогдашних отношений внутри «третьего сословия», это были идеалистические теории, отражавшие в утопической форме еще не осознанные задачи нарождавшегося пролетарского класса, его мечту о справедливом строе. Отмечая слабые стороны этих теорий, Ф. Энгельс указывал и на их положительное значение, ибо научный коммунизм «...в своей теоретической форме является, прежде всего, дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители, Морелли и Мабли, недаром принадлежали к их числу»².

Тезис Мабли о существовании классов и борьбе между ними составлял исходный пункт его исторической теории. Событием, которое положило начало разделению французов на классы, он считал факт завоевания Галлии предками французов — франками (V век). Франки, среди которых господствовало равенство имуществ и прав, теряют свое равенство и свободу благодаря захвату Галлии. «Земель, строений, рабов, стад каждый захватывал, сколько мог, и устраивал владение более или менее значительное, смотря по жадности и силам или значению, которое он имел среди нации»³. Это нанесло непоправимый удар древнему строю народоправства франков; «граждане не имели теперь общих интересов и не могли с прежней бдительностью наблюдать за поведением своих вождей... каждый француз был занят приобретением имущества, был поглощен извлечением выгод из своих новых владений и борьбой с соседями из-за этих благ»⁴. Принцип, по которому Мабли определяет принадлежность к тому или иному классу, состоит в неравенстве имущества, а «добравшись до

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 18.

² Там же, стр. 357.

³ Collection complète des oeuvres de l'abbé Mably, t. I, p. 130.

⁴ Там же, стр. 155—156.

первоисточника... вы найдете его в земельной собственности»¹. Таким образом, отношение к земельной собственности является, согласно Мабли, первопричиной образования классов. Так, по его мнению, благодаря захвату собственности, обусловленному завоеванием, образовались во Франции дворянство и духовенство во главе с королем — с одной стороны, и угнетенное «третье сословие» — с другой. Между завоевателями и завоеванными началась борьба из-за собственности, главным образом земельной.

Но в отличие от буржуазных историков как периода Просвещения, так и периода реставрации, которые в своих работах ограничивались лишь борьбой дворянства и «третьего сословия», Мабли указывал на классовую борьбу внутри «третьего сословия». «Кто не видит, что наши общества разделены на различные классы людей, которые по причине существования у них земельной собственности, по причине жадности и тщеславия, имеют интересы, не скажу разные, но противоречивые? Надо очень верить в силу своего красноречия и в свое искусство маневрировать софизмами, чтобы надеяться убедить рабочего, для которого единственным источником существования является его мастерство и который трудится в поте лица, что это есть наилучшее для него состояние; что хорошо, что существуют крупные собственники, захватившие все, живущие наслаждаясь, в изобилии и в удовольствии. Кто может убедить земледельца, что одинаково хорошо быть арендатором земли или ее собственником?.. Одним словом,... как возьметесь вы заставить людей, у которых нет ничего, т. е. громадное большинство граждан, поверить, что они, очевидно, живут в таком государственном строе, где они могут найти *наибольшую сумму наслаждений и счастья*? Доказать, что заблуждение это истина — невозможно»².

Именно в этом противопоставлении рабочего и хозяина, крестьянина и феодала, неимущего и собственника, труженика и праздного видел Мабли главный урок истории. «Читайте историю всех народов, и вы увидите, что все они страдали из-за этого неравенства имуществ. Граждане, гордые своим богатством, с презрением смотрели на равных им людей, которые были обречены трудиться для того, чтобы существовать. вы видите, как тут же нарождаются несправедливые и тиранические правительства, создаются пристрастные и притеснительные законы, одним словом, вся та масса бедствий, под тяжестью которых народы стонут»³. Мабли ставил в прямую связь собственность и власть и считал, что власть принадлежит собственникам, составляющим меньшинство, и направлена против неимущих, составляющих большинство народа. «Постоянный барьер отделяет интересы государства от интересов его подданных»⁴.

Исходя из противоположности между государством собственников и большинством народа, составляющим угнетенную массу подданных, Мабли делал вывод о правомочности насильственного свержения такого государства. Следует при этом сказать, что в постановке вопроса о вооруженном восстании Мабли страдает известной непоследовательностью. В отличие, например, от Радищева, у которого вывод о необходимости восстания носил действенный характер, являлся страстным призывом к восстанию, Мабли ограничивается лишь теоретической постановкой вопроса

¹ Г. Мабли. Избранные произведения под ред. академика В. П. Волгина. М.—Л., 1950, стр. 175.

² Там же, стр. 198—199.

³ Там же, стр. 174—175.

⁴ Там же, стр. 145.

о восстании. Он склоняется даже к мысли о том, что практически во Франции дело может обойтись без революции. Тем не менее нельзя зачеркивать заслуг Мабли как теоретика, ставившего вопрос о восстании, чем он отличался от теоретиков буржуазии, относившихся враждебно к самой идее восстания. В противоположность идеологам буржуазии, Мабли в своих теоретических выводах отрицал путь реформ, которые обычно связывались с деятельностью Генеральных штатов: «у нас были штаты, которые никогда не сделали ничего хорошего; мода на них прошла вместе с модой на фижмы и стоячие воротники; наши предки продавали, дарили и давали разрушать нашу свободу; сожалениями мы не вернем ее. Мир управляется постоянными революциями»¹.

Необходимость революции Мабли мотивирует тем, что другим путем нельзя «принудить знатных и богатых согласиться на полное равенство с лицами, которых они презирают»². Надо учитывать, подчеркивает Мабли, что власть покоится на вооруженной силе. «Разве вы не понимаете, что, вооружая правителей этой силой, вы предоставляете им возможность стать несправедливыми и что они злоупотребят законами?»³ Само непрерывное усиление власти собственников ведет к неизбежности революции. «Если неравенство имуществ настолько велико, что богачи... открыто станут стремиться к тирании, вы увидите, что бедные... восстанут в защиту прав человечества»⁴. Причиной восстания могут стать и отдельные проявления гнета. «Жестокий произвол налоговой системы и нищета народа, разумеется, вызывали во многих государствах опасные волнения»⁵.

Признавая революцию необходимой, Мабли безоговорочно оправдывает ее, считает ее обязательным условием в прогрессивном развитии общества. Мабли с сожалением говорит о народе, который свыкся со своим рабским положением, и, в противоположность этому, оправдывает народ, готовый к борьбе. «Народ называют наглым потому, что у него не всегда хватает снисходительности терпеть наглость вельмож. Он непокорен, и его хотят наказать за то, что он отказывается быть выучным животным»⁶. Свержение власти угнетателей Мабли сравнивает с ампутацией безнадежно больной части организма: «...когда у меня гангрена руки или ноги, эта ампутация — благо. Итак, гражданская война является благом, когда общество без помощи этой операции подвергается гибели от гангрены и, говоря без метафор, подвергается риску погибнуть от деспотизма»⁷. Революция так же справедлива, как и защита родины. «Если народ не считает себя вправе защищаться от нападающих на него чужестранцев, он, несомненно, будет ими покорен. Нация, не желающая сопротивляться своим внутренним врагам, неизбежно, следовательно, должна быть угнетаема»⁸. Революция оздоравливает общество, ибо «народ никогда не бывает более сильным, более уважаемым и более счастливым, чем после потрясения гражданской войны»⁹. Наконец, «призывать граждан не отвечать силой на насилие — это доктрина, более всего противоречащая нравственности и общественному благу»¹⁰. Таковы взгляды Мабли на проблему классов и классовой борьбы, резко отличающие его от буржуазных идеологов периода Просвещения.

¹ Г. М а б л и. Указ. соч., стр. 218.

² Там же, стр. 116.

³ Там же, стр. 195.

⁴ Там же, стр. 77.

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ Там же, стр. 260.

⁷ Там же, стр. 266.

⁸ Там же, стр. 273.

⁹ Там же, стр. 270.

¹⁰ Там же, стр. 273.

Наступившая затем французская буржуазная революция конца XVIII в., обогатившая буржуазию и поставившая ее у власти, принесла, как известно, глубокое разочарование плебейским массам, не получившим от революции ничего. Последовавшие за революцией годы были временем настоячивых попыток городских низов продолжить и углубить революцию в борьбе против термидорианской и наполеоновской клики. Выражением этого нового этапа борьбы угнетенных масс Франции явился бабувизм.

Вырабатывая свою историческую концепцию, бабувисты, подобно Руссо, исходили из того, что первобытное время было временем войны всех против всех. Чтобы выйти из этого состояния, люди заключают между собой договор об общественном устройстве. Однако вместо того, чтобы осуществить естественное равенство людей, договор этот по причине невежества большинства людей и алчности остальных явился нарушением равенства. Основой всех нарушений было установление собственности. «Несчастья и рабское положение проистекают от неравенства, а неравенство от собственности»¹. Собственность, а следовательно, и неравенство, по мнению бабувистов, возникли с тех пор, как люди поделили землю. «Счастливы были бы люди, если бы этого пагубного соглашения никогда не существовало. Именно оно и ввело в общество губительные последствия... Именно оно и разбило людей... осудило на всевозможные лишения производителей всех благ и наградило празднолюбцев изобилием наслаждений»². Развитие частной земельной собственности привело к распадению общества на две неравные части, ибо «...как только вследствие естественных случайностей... земельная собственность оказалась в руках незначительного числа семейств, число лиц наемного труда оказалось гораздо больше числа лиц, пользующихся наемным трудом; они очутились во власти последних, которые в своей высокомерии богачей довели их до весьма скудного существования. От этого переворота ведут свое происхождение последствия неравенства»³. Неравенство охраняется законами, являющимися средством грабежа народа.

Это наивное и абстрактное представление о зарождении собственности и появлении социального неравенства сводит весь исторический процесс к формированию двух социальных категорий: собственников и несобственников. Бабувисты не дают четкой характеристики этих категорий. В частности, под несобственниками они понимают то людей наемного труда, то более широкий круг тружеников, объединяемых общим термином «плебеи», то еще более широкое понятие «народ». Все эти особенности исторических воззрений бабувистов обусловлены уровнем общественных отношений тогдашней Франции, когда пролетариат еще не выделился в самостоятельный класс из общей массы тружеников. Но совершенно очевидно, что бабувистов интересуют главным образом городские массы трудящихся; именно поэтому для них основной проблемой истории были отношения крупных собственников, с одной стороны, и людей, лишенных собственности, — с другой.

История человечества, с точки зрения бабувистов, есть история непрерывной борьбы собственников и несобственников, история революций. «Революция, — писал Бабеф, — это открытая борьба между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными. Эта борьба идет вечно; она начинается вместе с появлением института, стремящегося отдать все богатства одним и отнять все у других»⁴. Основной целью трудящихся в этой борьбе было завоевание равенства, под которым бабувисты разумели не толь-

¹ Буонарротти. Заговор во имя равенства, т. II. М.—Л., 1948, стр. 156.

² Там же, стр. 221—222.

³ Там же, стр. 155.

⁴ В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. I. М.—Л., 1928, стр. 253.

ко политическое, но и социальное равенство. Это равенство никогда не было достигнуто. «Всегда и повсюду людей убаюкивали красивыми речами: никогда и нигде слово не претворялось в дело», и равенство фактически «являлось не чем иным, как красивой и бесплодной фикцией закона»¹. Французская революция в лице якобинской диктатуры давала, наконец, надежду на освобождение трудящихся. «Конституция 1793 г. была действительным шагом вперед к подлинному равенству»; но термидорианский переворот погубил эту надежду; к власти пришли новые угнетатели, политика которых состоит в том, чтобы «угнетать класс трудящихся и представлять его требования наиболее действительными причинами упадка общества»².

Поскольку революция 1789—1794 гг. обманула ожидания тружеников, необходима новая революция. «Французская революция — лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней»³. Главное средство для совершения этой революции бабувисты, как известно, видели в вооруженном восстании. Но, как известно также, они были сторонниками заговора, считали, что для успеха восстания достаточно иметь прочную организацию заговорщиков, способную дать сигнал к восстанию, указать цель переворота, захватить власть и установить революционную диктатуру. При наличии этих условий, как считали бабувисты, угнетенные массы сами двинутся на штурм ненавистных порядков. Целью восстания была отмена частной собственности, установление равенства, означавшего «равенство в труде и в пользовании благами»⁴, торжество естественного права, веками попираемого господством частной собственности. На этой основе бабувисты разрабатывали свой фантастический план устройства коммунистического общества равных, носивший грубо уравнилельный характер. Составной частью этого плана были, однако, такие мероприятия, как введение обязательного труда и государственная собственность на землю, говорящие об элементах созревания революционной мысли в тогдашнем французском социализме.

При всей своей утопичности, теория бабувистов была попыткой угнетенных масс Франции, разочарованных в буржуазной революции, осмыслить исторические причины своего угнетения, найти выход из своего положения, исторически оправдать свою борьбу с угнетателями. Утопический характер теории бабувистов был обусловлен незрелостью тогдашнего пролетариата, отсутствием объективных условий его освобождения.

Следующим важным этапом в развитии общественной мысли домарксового периода во Франции была теория Сен-Симона. Великий утопист был современником последних лет правления Людовика XVI, перед глазами Сен-Симона прошла французская буржуазная революция, термидор, наполеоновский режим и, наконец, реставрация Бурбонов. Это был переломный для Франции период ее перехода от феодализма к капитализму, период ожесточенной борьбы между феодализмом и капитализмом. Перед антифеодальным лагерем в это время, с одной стороны, стояла общенациональная задача — свержение феодально-абсолютистских порядков, утверждение строя капитализма. Эта задача решалась под руководством буржуазии, возглавлявшей тогда антифеодальный лагерь. Буржуазии в этот период в значительной мере удавалось удерживать роль гегемона «третьего сословья»; процесс политической эмансипации пролетариата, ускорившийся после термидора, вновь замедлился в годы реставрации, ког-

¹ Буонаротти, т. II, стр. 141.

² Там же, т. I, стр. 155—156.

³ Там же, т. II стр. 142.

⁴ Там же, т. I, стр. 158.

да общенациональная задача свержения Бурбонов вновь встала на первый план. С другой стороны, это был период, когда противоречия между буржуазией и пролетариатом, несмотря на наличие общего врага, продолжали обостряться. Подобное противоречие составляет характерную черту всего этого периода, в особенности времени реставрации, когда главным образом и протекала деятельность Сен-Симона как теоретика.

Учение Сен-Симона при всей его сложности явилось ярким отражением именно этого решающего противоречия. С одной стороны, Сен-Симон — глашатай торжества капитализма, он проповедует победу «промышленников», под которыми он разумеет и капиталистов, и рабочих, он — сторонник союза «промышленников» с королевской властью и противник вмешательства масс в политическую жизнь; он — решительный противник восстания; переход от феодализма к новому строю, «ассоциации», должен произойти, согласно Сен-Симону, мирным путем, а самый этот строй оказывается не чем иным, как строем капитализма, с господством частной собственности, с сохранением класса буржуазных эксплуататоров и класса наемных рабочих, где сохраняется королевская власть. Иными словами, здесь мы встречаемся со взглядами тогдашней французской либеральной буржуазии. С другой стороны, в системе Сен-Симона сформулированы взгляды, которые ставят их автора в ряд крупнейших предшественников научного социализма. Сен-Симон защищает интересы «беднейшего класса» против буржуазии, он провозглашает труд общественной обязанностью, он требует, чтобы человек занимал свое место в обществе не по богатству, а по своим способностям. Сен-Симон критикует анархию капиталистического производства и отстаивает необходимость общественного плана производства, он мечтает о том, чтобы наука служила народу, и т. д.

Эти либеральные и социалистические тенденции в системе Сен-Симона живут рядом, явно противореча друг другу и находясь между собой в борьбе. Буржуазная наука смогла только констатировать это противоречие, будучи не в состоянии его понять. Дело обычно ограничивалось указанием на то, что Сен-Симон не продумал свою теорию во всех ее частях, не привел ее в стройную систему. В действительности же эта противоречивость далеко не случайна, она является отражением противоречивости самой исторической действительности современной Сен-Симону Франции. Либеральные и социалистические тенденции в системе Сен-Симона никогда не могли быть примирены; находясь в борьбе, они могли вытеснять друг друга, одна сторона могла усиливаться за счет другой, побеждать или быть побежденной. К концу жизни Сен-Симона социалистические тенденции стали побеждать тенденции либеральные, они заняли в его теории господствующее место. Сен-Симон — социалист явно брал верх над Сен-Симоном — либералом.

Противоречивость всей теории Сен-Симона, естественно, определила противоречивость и его исторических взглядов. В исторических построениях Сен-Симона постоянно борются либеральные и социалистические тенденции в объяснении общественных явлений, идеалистический характер его построений сочетается с элементами материализма, а метафизические положения выступают рядом с диалектическим подходом к объяснению истории. Не удивительно, что подобную непоследовательность мы встречаем и в попытках Сен-Симона объяснить классы и классовую борьбу — проблема, которой он интересовался при изучении истории.

Если проследить его трактовку истории древнего мира, то мы встретим такие произведения, как «Очерк науки о человеке» (1813), где все развитие Греции и Рима в конечном счете сведено к развитию религии как «главного политического учреждения»; в то же время в его произведениях

мы встретим элементы материалистического объяснения истории античных государств. К таким элементам в большинстве случаев и принадлежат взгляды Сен-Симона на классы и классовую борьбу. Уже в своем первом сочинении «Письма женева обитателя» (1802) Сен-Симон пытается определить понятие класса и главным признаком класса считает обладание или необладание собственностью. В одной из последующих работ — «Взгляд на собственность» (1818) — он подчеркивает решающее значение института собственности; государство, говорит Сен-Симон, «есть только форма, а учреждение собственности — суть, именно этот институт служит основанием общественного здания»¹. Между многочисленными массами, лишенными собственности, и малочисленной группой собственников «по самой природе вещей» происходит упорная борьба. Этот тезис нашел свое развитие в поздних произведениях Сен-Симона «Катехизис промышленников» (1823—1824) и «Рассуждения» (1825).

Существенной чертой общественного строя античности Сен-Симон считает рабство, которое, по сравнению с предшествующим развитием, представляло несомненный прогресс; «оно спасло жизнь миллиардам людей»², «...оно благоприятствовало успехам просвещения, доставляя господствующему классу возможность заниматься развитием своих умственных способностей, чего бы он не мог делать без установления рабства, так как его время и его силы были бы заняты работой, необходимой для удовлетворения своих первых потребностей»³. Исходя из наличия рабства, Сен-Симон делил античное общество «на три больших класса: господа, имевшие рабов, господа, их не имевшие, и рабы»⁴. Господствующим классом были первые, именуемые патрициями; их могущество опиралось на рабовладение; «промышленный»⁵ труд они считали унижительным, и поэтому весьма многочисленный класс рабов был, по их мнению, необходимым условием политического существования»⁶. Это давало патрициям возможность господствовать; общественными делами управляли обыкновенно и почти исключительно патриции: они занимали наиболее важные должности, как в области духовной, так и в области светской власти. Сенаторы были патрициями, верховные жрецы, гаруспики и авгуры были также из патрициев»⁷; при этом «духовная власть была подчинена светской в качестве ее покорной помощницы»⁸. Господствующее положение патрициев было закреплено тогдашним законодательством.

Следующий класс составляли плебеи, положение которых определялось их отношением к главной форме собственности — рабам. «Господа, не имевшие рабов, находились, по необходимости, в зависимости от тех, которые их имели, так как работы, посредством которых они могли бы добыть себе пропитание, считались унижительными, и они не могли ими заниматься; к тому же их отвлекала бы политическая деятельность, то и дело призывавшая их на общественные площади»⁹. Зависимое положение плебеев в сфере собственности обусловило их зависимость от патрициев и в сфере политической.

¹ Сен-Симон. Избр. соч. под ред. В. П. Волгина, т. I. М.—Л., 1948, стр. 355.

² Имеется в виду, что в первобытную эпоху пленных убивали, тогда как в эпоху рабства их обращали в рабов, сохраняя им жизнь.

³ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 246.

⁴ Там же, стр. 288. См. также стр. 395.

⁵ Под «промышленным» трудом Сен-Симон понимает всякий производительный труд.

⁶ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 288.

⁷ Там же, стр. 279.

⁸ Там же, стр. 281.

⁹ Там же, стр. 288.

Положение низшего класса — рабов — определялось отсутствием у них собственности; больше того, сам «раб принадлежал непосредственно своему господину, имевшему по отношению к рабу право жизни и смерти. Не было ни одного закона, ни одного учреждения, ни одного принципа общественной морали, ни одного религиозного соображения, которые заставляли бы раба и стремились бы ограничить произвол его господина»¹.

Между этими классами древности шла постоянная борьба. Что касается борьбы рабов, то ей Сен-Симон не придает большого значения на том основании, что рабам было трудно организоваться для восстаний: «господа были всегда вооружены, ежедневно собирались на общественной площади; почти все они жили за оградой укрепленных городов, между тем как огромное большинство рабов было рассеяно по деревням, где они исполняли земледельческие работы»². Внимание Сен-Симона привлечено к борьбе между патрициями и плебеями. Эту борьбу плебеи вели как за улучшение своего социального положения, так и за власть. «Должности по общественному управлению, занятые плебеями, имели подчиненный, низший характер и не давали им возможности участвовать в руководящей деятельности; им были предоставлены лишь некоторые средства для сопротивления неограниченной власти, врученной патрициям. Плебеи достигали первостепенных ролей только посредством восстаний, но и то значение, которого они таким путем добивались, никогда не было прочным»³. Тем не менее плебеи достигли своих целей; причина состояла в том, что плебеям «было сравнительно легко соединиться, чтобы поднимать крупные восстания»⁴. Таковы взгляды Сен-Симона на классы и их борьбу в античном обществе.

Наступившей затем эпохе феодализма Сен-Симон придает гораздо большее значение по сравнению с древностью. «Наиболее подходящей отправной точкой мне представляется эпоха формирования современных обществ — средние века»⁵, или, как Сен-Симон их обычно называет, «теологическая и феодальная эпоха». Наибольшее внимание, по понятным причинам, он уделял Франции. Начало социального деления во французском обществе, по мнению Сен-Симона, было положено франкским завоеванием Галлии в V в. Завоеватели составили господствующий класс, завоеванные галло-римляне — класс крепостных. «Франки, бывшие военными вождями нации, руководили в то же время ее промышленной деятельностью: им принадлежали почти все земли; равным образом они завладели и движимым инвентарем земледелия, главную роль в котором играли галлы, прикрепленные к земле, составлявшие благодаря этому лишь высшую категорию рабочего скота»⁶. К завоевателям-феодалам примыкало духовенство, которое «разделяло с военными светскими привилегии феодального строя, являлось исключительным руководителем духовной жизни общества, не только в его целом, но и во всех частностях»⁷.

Так родилась, по мысли Сен-Симона, «теологическая и феодальная система» во Франции. Оценивая феодализм в целом, Сен-Симон, в противовес энциклопедистам, которые отрицали всякое значение средних веков, считал, что средневековье является более высокой ступенью по сравнению с древностью. Среди многочисленных аргументов Сен-Симона в доказательство этого положения основное место занимает тезис о том,

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 277—278.

² Там же, стр. 278.

³ Там же, стр. 279—280.

⁴ Там же, стр. 280.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 133.

⁷ Там же, стр. 34.

что при феодализме в известной мере улучшилось положение угнетенного класса, на котором лежала основная тяжесть производительной — по терминологии Сен-Симона «промышленной» — деятельности. Исходным моментом для этого положения была следующая мысль Сен-Симона: «Лучшее общественное устройство — это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей»¹. Сравнивая с этой решающей для него точки зрения античность и средние века, Сен-Симон приходит к выводу, что если в древности раб был в полной собственности господина, то при феодализме «раб был прикреплен к земле и уже только косвенно принадлежал собственнику земли, на которой он родился. Закон о выкупе преступлений признавал ценность за жизнью раба... господин, убивший или изувечивший одного из своих рабов, был обязан вознаградить его детей в определенном тарифном размере»². Кроме того, условия феодализма создавали большую возможность для борьбы угнетенных с угнетателями, чем условия античности: античные рабы были изолированы от господ, а сами господа, живя в городах, были лучше организованы, феодалы же «жили в поместьях и были изолированы среди своих рабов, а поэтому до известной степени связаны боязнью мести с их стороны, мести, осуществление которой было возможно и которая иногда действительно осуществлялась, когда рабы приходили в отчаяние от слишком жестокого обращения»³. Такие явления, как, например, криптии — убийства рабов, в средние века были уже невозможны. Из всего этого следует вывод, что «участь людей, составляющих подавляющее большинство общества, была при теологическом и феодальном строе в гораздо меньшей степени несчастна, чем при системе общественного устройства греков и римлян»⁴. Замену рабства крепостничеством Сен-Симон считает первым завоеванием людей, занимающихся производительным трудом.

Период с V по XV в. Сен-Симон считает периодом прогрессивного развития, когда формируется «теологическая и феодальная система» и когда наступает ее расцвет. Феодалы в этот период, по мнению Сен-Симона, еще являются организаторами производства, и это служит в его глазах известным оправданием тому обстоятельству, что в их руках находится власть. Феодалам противостоят «плебеи» или «промышленники», которые уже в этот период ведут борьбу за свержение феодализма. Под «промышленниками» Сен-Симон понимал земледельцев, ремесленников и купцов. Иначе говоря, он различает эти социальные категории, но объединяет их в единый класс «промышленников» на том основании, что они «вместе трудятся для производства или для доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности»⁵.

Среди «промышленников» Сен-Симон особое значение придает городским классам — ремесленникам и купцам. Их противоположность феодалам была обусловлена самим характером их собственности. «Права земельных собственников... произошли из завоевания, т. е. из права более сильного», в то время как собственность городских «промышленников» есть собственность свободная. Эти различия вели к различным условиям для трудящихся. «В сельском хозяйстве трудящийся есть лицо подчи-

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 277.

² Там же, стр. 278. Под рабом здесь Сен-Симон понимает крепостного.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 121.

ненное, это только арендатор, называющий собственника своим господином. В торговле и промышленности трудящийся имеет право наиболее выгодным для ведомого им предприятия образом пользоваться капиталами, на которые он берется доставить доход»¹.

В борьбе с феодалами «промышленники» достигали все новых и новых успехов. Событием, способствующим этим успехам, были крестовые походы. Они благоприятствовали развитию торговли и ремесла, разоряли феодалов, которые были вынуждены продавать и землю и вольности своим крепостным. Еще более крупным событием считает Сен-Симон борьбу городских коммун за свое освобождение из-под власти феодалов. Это было следующим прогрессивным шагом после замены античного рабства средневековым крепостничеством. «Вторым достижением промышленного класса было его освобождение от крепостной зависимости»². Освобождение коммун Сен-Симон называет «великой европейской революцией». Это освобождение «открыло промышленности путь к развитию, она с тех пор делала непрерывные и все возрастающие успехи... в результате, в то время как промышленники создавали своими трудами огромную массу новых ценностей, дворяне непрерывно продавали им все большие и большие доли своей движимой и недвижимой собственности», а все это «привело к такому перемещению собственности, что масса промышленников, считая в их числе и земледельцев, владеет в настоящее время наибольшей частью всех богатств»³. Уже в XV в., к периоду правления Людовика XI, «промышленники» превратились в большую социальную силу.

С XV в. Сен-Симон датирует новый период в развитии средневековья, в положении и в борьбе классов во Франции. Теперь феодалы теряют роль организаторов производства, выражением чего, в частности, был уход дворян из поместий на придворную службу, «теологическая и феодальная система» превращается в прямую помеху дальнейшему прогрессу, борьба «промышленников» против феодализма начинает обостряться. В этой борьбе «промышленники» приобретают все новые и новые позиции. Повышается их производственная роль во всех отраслях народного хозяйства. Сен-Симон считает, что «промышленные успехи — самые существенные из всех», а «промышленники» должны играть главенствующую роль в хозяйстве, так как этот, по выражению Сен-Симона, класс «важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его созданиями... одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее»⁴.

Но помимо хозяйственного значения «промышленников», выросло и их политическое значение. Повышается их роль в армии. «До открытия пороха люди, владевшие оружием, т. е. потомки франков, составляли главную часть армии. После открытия пороха силу армии стали составлять стрелки и артиллеристы; инженерами, артиллеристами и стрелками стали, главным образом, потомки галлов»⁵, хотя командование армией продолжало оставаться в руках потомков франков — дворянства. Вместе

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. I, стр. 357.

² Там же, стр. 403.

³ Там же, т. II, стр. 35—36.

⁴ Там же, стр. 122. Не забудем, что под «промышленностью» здесь разумеется деятельность во всех отраслях народного хозяйства.

⁵ Там же, стр. 148.

с тем повышалась роль «промышленников» и в государственном аппарате — в связи с распространением римского права появляется значительный слой судебных чиновников, легистов, разночинцев по происхождению. Но решающим явлением в политическом усилении «промышленного класса» Сен-Симон считал установление союза между «промышленниками» и королевской властью при Людовике XI. К этому союзу стремились обе стороны. Людовик XI искал поддержки у «промышленников» в борьбе с непокорными феодалами, и поэтому должен был покровительствовать разночинцам, «стать королем галлов вместо вождя франков»¹. В свою очередь «промышленники» «желали сосредоточения верховной власти в руках короля, потому что это было единственное средство уничтожить препятствия, стоявшие на пути внутренней торговли Франции вследствие раздробления верховной власти. Они стремились также стать первым классом в обществе как для удовлетворения своего самолюбия, так и для материальных выгод, которые получает тот, кто составляет законы: закон всегда благоприятствует тому, кто составляет его»². Этому союзу, в котором нетрудно увидеть гипертрофированный союз королевской власти и буржуазии в целях борьбы с феодальной анархией, Сен-Симон придавал исключительно важное значение. Главный тезис его сочинения «О промышленной системе», по словам самого Сен-Симона, «сводится к сближению или, лучше сказать, к обобщению интересов королевской власти и промышленников. Это я провожу всюду. Сочетание этих двух сил было господствующей идеей, занимавшей мой ум на протяжении всего моего труда»³.

Хозяйственное и политическое усиление «промышленников» в этот период Сен-Симон именовал «гражданской революцией» и рядом с ней ставил «революцию моральную». Основой моральной революции, по мнению Сен-Симона, явилось развитие опытных наук и городской промышленности. Открытие Америки, теория Коперника и изобретение книгопечатания были крупнейшими достижениями цивилизации этого периода. Начинается острая борьба между просвещением и католическим богословием, ставшим огромным препятствием для развития науки и всего общественного прогресса. «Начиная с XV века философы должны были заниматься главным образом разрушением теологической и феодальной системы, так как сделанные в это время открытия доставили необходимые данные для создания системы общественного устройства, гораздо высшей, чем средневековая»⁴. Сен-Симон подчеркивает тот факт, что идейная борьба с феодализмом предшествовала борьбе политической: «Разрушение теологической и феодальной системы началось с критики того института, который имел преобладающее значение во всей системе. Доверие к папистской религии подверглось прямому нападению со стороны Лютера и косвенному — со стороны Коперника»⁵. Другими словами, борьба с феодализмом началась с критики католической церкви. Поэтому, пишет Сен-Симон, прогрессивная роль в борьбе с католицизмом в этот период принадлежала «метафизикам», под которыми он разумеет гуманистов и деятелей реформации и которые являются лишь первым шагом в борьбе с «теологической и феодальной системой».

Однако рост могущества «промышленников» лишь подчеркивал контраст между этим исключительным их значением для общества и их по-

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 136.

² Там же, стр. 136—137.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 299.

⁵ Там же, стр. 300.

литическим бесправием. Этот контраст еще более усилился, когда наследники Людовика XIV разорвали союз королевской власти с «промышленниками». «В то время как промышленники делали большие успехи в развитии своих способностей, своего влияния и реального могущества, непромышленные классы опускались во всех отношениях, но между тем королевская власть попрежнему продолжала выбирать из этих классов людей для управления государственным добром»¹. Теперь королевская власть «подчиняется духовенству и дворянству, этим настоящим кровопийцам народа»². Правящие классы в свою очередь служили верной опорой королей; в частности, духовенство настолько «забыло о своем божественном призвании, что теперь его единственным занятием является проповедь народу беспрекословного подчинения владыкам земли»³. «Промышленники» и ученые ведут борьбу за свержение феодального строя; это выразилось в деятельности энциклопедистов. «Эти писатели, доказали, что наследственная аристократия должна быть упразднена, так как она не нужна больше для поддержания общественного порядка»⁴. Весь общественный строй Франции стал тормозом дальнейшего развития. «Французские учреждения износились, они перестали быть теми пружинами, теми органическими колесами, действие которых ускоряет движение политического тела; они потеряли свою силу, свою гармонию, действительность, они представляют собою лишь инертную массу, нависшую над нацией и давящую на нее своей громадной тяжестью»⁵.

Обострение борьбы между «промышленными» и «непромышленными» классами в конечном счете приводит к революции конца XVIII в. Какова была цель революции? Эта цель состояла в том, чтобы свергнуть «теологическую и феодальную систему» и установить систему «промышленную», т. е. «обеспечить наиболее возможное благосостояние трудолюбивому и производительному классу, образующему в условиях нашей цивилизации истинное общество»⁶. Ликвидируя феодализм, революция стояла на правильном пути, двигалась к своей настоящей цели. Это, по мнению Сен-Симона, понимал даже Людовик XVI, который, стремясь к компромиссу накануне революции, делал министрами представителей «промышленников», дал «третьему сословию» двойное представительство в Генеральные штаты, всячески пытался вернуться к политике союза с «промышленниками», но было уже поздно. Однако, ликвидировав феодализм, революция не установила справедливого строя «промышленной» системы и тем самым отклонилась от своей цели.

Каковы причины этого отклонения революции от ее прямых задач? Ответ, который давал Сен-Симон на этот вопрос, чрезвычайно характерен для него; этот ответ был выражением всей противоречивости либеральных и социалистических тенденций Сен-Симона. Либерализм сказывался на всей только что изложенной исторической концепции Сен-Симона. В его «классе промышленников» нетрудно узнать «третье сословие», которым оперировали тогда буржуазные историки; из всех рассуждений Сен-Симона о «промышленниках» со всей очевидностью вытекает тот факт, что под этим термином разумеется, прежде всего, буржуазия — гегемон «третьего сословия», или, по терминологии Сен-Симона, «класса промышленников». Этот же либеральный подход мы встречаем и в рассуждениях о судьбе французской революции.

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 143.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ Там же, т. I, стр. 295.

⁶ Там же, т. II, стр. 23.

Эти взгляды мы можем найти почти во всех произведениях Сен-Симона, написанных до 1820-х годов. Сен-Симон считал, что цель революции — установление «промышленной системы» — могла быть достигнута не путем восстания, а путем реформ. Если французский народ пошел на восстание, то это, во-первых, было делом вынужденным, ибо у народа «не было никакого законного пути заявить о своих требованиях»¹, а во-вторых, это случилось по «невежеству» восставших, которые не знали такого средства, как реформа. «Вследствие незнания такого средства промышленность прибегла и не могла не прибегнуть к восстанию, когда захотела овладеть властью. А между тем, из всех средств восстание наименее удовлетворительно; это средство, кроме того, находится в полном противоречии с интересами промышленности, так как всякое употребление силы является для нее злом: народные беспорядки тяжелее всего отражаются на промышленности, потому что из всех видов собственности промышленная собственность легче всего поддается разрушению»². В «Письмах к американцу» (1817) Сен-Симон следующим образом оценивает народное восстание 1793 г., поставившее якобинцев к власти: «...если либералы взяли верх над привилегированными, то верх над ними самими одержали невежественные пролетарии, которых они вооружили и которые завладели властью»³. Именно с этого момента, по мнению Сен-Симона, революция отклонилась от своей цели — якобинцы внесли дезорганизацию, а этим воспользовалась реакция. Таким образом, «промышленная система» не была установлена революцией в конечном счете из-за народных восстаний. Такова оценка судеб французской буржуазной революции со стороны Сен-Симона — либерала.

Но с другой стороны, уже в самых ранних произведениях Сен-Симона мы встречаем попытки осмыслить роль народных масс в противоположность буржуазии. В «Письмах женевого обитателя» (1802) Сен-Симон среди «промышленников» отчетливо различает малочисленный класс собственников и многочисленный класс, лишенный собственности. Между этими классами существуют отношения эксплуатации. Обращаясь к пролетариям, Сен-Симон говорит, что собственники «принуждают ваши руки трудиться для них»⁴. По этой причине борьба, которая «по самой природе вещей всегда неизбежно происходит между ними и вами», составляет суть отношений между собственниками и пролетариями⁵. Сен-Симон подчеркивает ту мысль, что пролетарии должны идти собственной дорогой, а не за буржуазией, ибо собственники, говорит он пролетариям, в борьбе между собой «вмешивают вас в эти ссоры, и вы всегда при этом остаетесь в дураках»⁶.

Сен-Симон обычно исходит из того, что пролетариат, «бедные люди», «народ» составляет самую боевую часть общества. В особенности это проявилось во время революции конца XVIII в., когда простой народ, одержимый страстью к равенству, смел до основания отживший порядок; произошло «разрушение социальной организации, существовавшей в момент взрыва... Одна лишь страсть может побудить людей к великим усилиям. Сдержанность — не действенная сила, она робка по существу и, далекая от того, чтобы ломать сложившиеся привычки, она стремится к тому, чтобы их сохранить»⁷. Сен-Симон был склонен считать, что ради-

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. I, стр. 307.

² Там же, стр. 417.

³ Там же, стр. 325.

⁴ Там же, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 120.

⁶ Там же, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 312—313.

кальные мероприятия французской буржуазной революции составляли ее сильную сторону, ибо в противном случае «революция эта была бы убудочной, неполной революцией»¹. Он осуждает «стационарных» (умеренных) людей, которые хотят «во имя умеренности соединить старые учреждения с новыми; они не замечают нелепости попыток слияния этих противоположностей»; подобные взгляды проповедуются «людьми, которые, находя свое положение сносным и будучи мало действенными, желают больше всего спокойствия и устойчивости. Они ненавидят перемены»; эти взгляды, подчеркивает Сен-Симон, «не могут и фактически не играют важной роли в общественном мнении, ибо, будучи по природе своей чисто пассивными, они способны лишь на то, чтобы мешать действиям других»². Такова оценка французской буржуазной революции конца XVIII в. со стороны Сен-Симона — социалиста.

В последние годы жизни Сен-Симона борьба либеральной и социалистической тенденций в оценке классовых сил в буржуазной революции приводит, как уже было сказано, к победе тенденции социалистической над тенденцией либеральной. В своих последних произведениях — «Катехизис промышленников» (1823—1824), «Рассуждения» (1825) и «Новое христианство» (1825) — Сен-Симон выступает решительным противником либерализма. Фундаментом современного ему общества он теперь считает пролетариат, а не «промышленников» вообще. «Основанием современной народной пирамиды являются рабочие, занимающиеся ручным трудом»³. Основную задачу своей деятельности Сен-Симон формулирует следующим образом: *«работать над улучшением морального и физического существования самого бедного класса; общество должно быть организовано так, чтобы наилучшим образом придти к этой великой цели»*⁴. Непременным условием существования такого общества, как настаивал Сен-Симон, должна быть обязательность труда, производство должно строиться по плану, а личный интерес должен находиться в гармонии с интересом общественным.

В связи с изменениями в оценке Сен-Симоном роли пролетариата в целом меняется и оценка роли народных масс во французской буржуазной революции. Теперь причину того, что революция не привела к установлению «промышленной системы», Сен-Симон видит в том факте, что руководство революцией находилось в руках буржуазии, по терминологии Сен-Симона, в руках промежуточного класса — легистов и метафизиков, который в качестве эксплуататора занял благодаря революции место дворян. «Считая себя в 1789 г. достаточно сильным для того, чтобы освободиться от господства потомков франков, промежуточный класс побудил народные массы восстать против дворян. Этому классу удалось, пользуясь силами народа, истребить часть потомков франков, тех же, которые не были истреблены, он вынудил скрыться за границу. Промежуточный класс... выбрал из своих рядов буржуа, которого сделал государем⁵; тем из своих членов, которые играли главную роль в революции, он дал титулы князей, герцогов, графов, баронов, кавалеров и т. д.; он создал майораты для новых дворян, одним словом, он восстановил феодальную систему в свою пользу»⁶. Такова позднейшая схема французской буржуазной революции, нарисованная Сен-Симоном.

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. I, стр. 323.

² Там же, стр. 317—318.

³ Там же, т. II, стр. 330.

⁴ Там же, стр. 419. Подчеркнуто Сен-Симоном.

⁵ Имеется в виду Наполеон I.

⁶ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 149—150.

Он не склонен теперь делать различия между дворянством и «промежуточным» классом, который он часто именует буржуазией, исключив ее из состава «промышленников». Сен-Симон считает, что и при режиме реставрации «промежуточный» класс продолжает эксплуатировать народные массы, которые поэтому «заинтересованы в том, чтобы одновременно освободиться и от верховенства потомков франков и от господства промежуточного класса...»¹. Постановка вопроса о буржуазии у Сен-Симона подчас страдает расплывчатостью — так, например, он пытается зачислить в «промышленный класс» буржуазию, занятую в промышленности, — однако, это ничего не меняет в общем повороте Сен-Симона в сторону борьбы с буржуазией. Весь огонь полемики в своих поздних произведениях он направляет против либеральной партии, которую рассматривает как выразителя интересов «промежуточного» класса.

Сен-Симон всячески старается подчеркнуть противоположность своего учения идеалам либералов, отличие этого учения от «расплывчатой либеральной системы, с которой ее склонны смешивать. Одним словом, — пишет он, — я хотел отмежевать научную политику, основанную на согласованных рядах общих исторических фактов, от метафизической политики, основанной на абстрактных предположениях... являющихся только различными оттенками теологии»². Он подчеркивал также, что его учение является дальнейшим шагом вперед по сравнению с достижениями всей либеральной мысли; на этом основании он настаивал на создании новой Энциклопедии, считая Энциклопедию, созданную буржуазными идеологами накануне французской буржуазной революции, совершенно устаревшей. «Философы XVIII века создали Энциклопедию, чтобы опровергнуть теологическую и феодальную систему. Философы XIX века, в свою очередь, должны создать свою Энциклопедию, чтобы установить промышленную и научную систему»³.

Сен-Симон решительно оспаривает идеалы французской буржуазии, прежде всего ее святая святых — английский парламентский строй, и критически оценивает английскую буржуазную революцию, создавшую этот строй. Он считает, что для французской нации «есть нечто унижающее в том, что она рассматривает английскую социальную организацию как пример, достойный подражания»⁴. Английская революция, перед которой благоговеет французская буржуазия, вовсе не является «высшим пределом прогресса цивилизации в политическом отношении», потому что она привела к установлению такого строя, при котором «действуют в одно и то же время и феодальный и промышленный принципы», а конституция Англии, «если вы обязательно настаиваете, что в Англии она существует, является убогой»⁵. По своим результатам английская революция XVII в. стоит гораздо ниже французской революции XVIII в.

Но Сен-Симона решительно не удовлетворяют результаты и французской революции. Эта революция была полумерой, она не создала строя в интересах «самого бедного и самого многочисленного класса». Поэтому нужна новая революция для решения этой задачи; «время полумер, без сомнения, прошло; нужно прямо идти к общественному благу; эта истина при современных условиях должна быть представлена во всей ее полноте и прямоте: наступил момент кризиса»⁶. Сен-Симон не сомневался в

¹ Сен-Симон. Указ. соч., стр. 150.

² Там же, стр. 20—21.

⁴ Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 316.

⁵ Там же, стр. 184.

⁶ Там же, стр. 354.

том, что переход к новому обществу должен представлять собой революцию, чего так боялась в годы реставрации французская буржуазия. «Мы того мнения,— писал он,— что это изменение должно совершиться именно резко и сразу»¹.

Естественно напрашивается вопрос — где лежит причина этого решительного разрыва Сен-Симона с либерализмом в последние годы его жизни? Как причина противоречивости его концепции, так и причина победы Сен-Симона — социалиста над Сен-Симоном — либералом лежит в особенностях социально-политической обстановки тогдашней Франции. Последние годы деятельности Сен-Симона (он умер в 1825 г.) падают на период, который явился кануном новой буржуазной революции во Франции — революции 1830 г. Как известно, позиция буржуазии в этой революции существенно отличалась от той позиции, которую она занимала во время революции 1789—1794 гг. Французская буржуазия, вновь помогавшая власти, на этот раз ставила своей задачей получить эту власть не путем революции, как это было в 1789 г., а путем компромисса с дворянством, путем создания буржуазно-дворянской конституционной монархии. Это было обусловлено страхом буржуазии перед движением пролетарских масс.

С этим движением буржуазия была знакома по опыту революции 1789—1794 гг. К тому же она имела дело теперь с пролетарскими массами как с более зрелой силой, ибо период, следовавший за революцией конца XVIII в., многому научил тогдашний французский пролетариат. Как подчеркивают К. Маркс и Ф. Энгельс, «возникшие вслед за „победой разума“ политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века»². Этот раскол антифеодального фронта непрерывно нарастал и завершился в революции 1830 г., в результате которой буржуазия стала противостоять пролетариату в качестве правящего класса. Именно с 1830 г. как в Англии, так и во Франции, наряду с отживающим дворянством и правящей буржуазией, «...рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Общественные отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается пружина всей новейшей истории, по крайней мере, в двух самых передовых странах»³.

Именно эти процессы и нашли свое отражение в идеях Сен-Симона в последний период его деятельности. В них попрежнему сказывалась незавершенность политического размежевания антифеодальных сил; Сен-Симон так и не вышел за рамки той оценки, которую дали К. Маркс и Ф. Энгельс утопическому социализму в «Манифесте Коммунистической партии»: «Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией...»⁴, что обусловило весь характер этих систем, ибо это «...фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще совсем фантастически, оно возникает из первого, исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию обще-

¹ Сен-Симон. Указ. соч., т. II, стр. 346.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 260.

³ Там же, стр. 669—670.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Политиздат, 1948, стр. 36.

ства»¹. Но в то же время Сен-Симон, свидетель обострявшейся классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией накануне революции 1830 г., явился ярким выразителем антибуржуазных настроений французского пролетариата, приведших вскоре к окончательному разрыву пролетариата с лагерем либерализма.

* * *

Годы реставрации (1815—1830) явились вместе с тем и временем наивысшего подъема либеральных идей во Франции. Новый этап классовой борьбы породил новый подъем духовных сил французской буржуазии, класса, еще не исчерпавшего в тот момент своей прогрессивности. Именно с этим периодом связан наивысший этап развития французской буржуазной историографии, и это объясняется особенностями социально-политической и идеологической истории французской буржуазии того времени. В период Просвещения французская буржуазия, еще не имевшая собственного опыта борьбы за власть, не имевшая исторического материала как аргумента в борьбе за эту власть, обосновывала свое право на руководство обществом главным образом в абстрактной форме, в форме философской критики феодализма и его опоры — церкви. Поэтому среди идейных средств борьбы буржуазии тогда на первом плане была философия: идеологи французской буржуазии создали французский материализм XVIII в.

В годы реставрации французская буржуазия выступала уже в иной обстановке. За время революции буржуазия окрепла экономически, нажившись как за счет народа, так и за счет дворянства; к периоду реставрации относится появление крупной промышленности во Франции. Но окрепшая буржуазия была лишена власти реставрированным дворянством и вынуждена была вновь вести борьбу за ее завоевание. В этой борьбе французская буржуазия располагала теперь богатым опытом революции конца XVIII в., как победоносной революции против дворянства. В свете этого опыта буржуазия переосмыслила всю французскую историю, изобразила ее как борьбу народа с дворянством, начиная с древнейших времен. Идейный взлет французской буржуазной историографии в годы реакции, выдвижение крупнейшими французскими историками той поры — О. Тьерри, Гизо, Минье, Тьером и другими — теории классов и классовой борьбы именно в том и состояли, что была сформулирована идея борьбы французского народа, представляемого в виде «третьего сословия», с угнетателями-дворянами. Это была генеральная идея французской буржуазии в годы реставрации. Не случайно поэтому, что историческая наука стала основным идейным оружием буржуазии, а крупнейшие историки, в особенности Гизо и Тьер, стали крупнейшими политическими деятелями французской буржуазии XIX в.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что открытие классов и классовой борьбы в первой половине XIX в. явилось событием далеко не случайным. Раньше такое открытие было бы почти невозможным вследствие того, что «...внутренняя связь событий была очень затемнена и запутана, в наше время связь эта до такой степени упростилась, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, т. е., стало быть, по крайней мере, со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уж не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) —

¹ Там же, стр. 37.

с другой. Во Франции со времени восстановления Бурбонов проникло в сознание то же самое явление. Историки того времени, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная с средних веков»¹. Как мы видели выше, с 1830 г. наряду с дворянством и буржуазией в качестве третьей борющейся силы выступил рабочий класс.

Теория классовой борьбы, созданная французскими буржуазными историками периода реставрации, с наибольшей отчетливостью прослеживается в работах О. Тьерри и Гизо — самых крупных из историков этого периода, применявших идею классовой борьбы к истории всей Франции. В основе исторической концепции О. Тьерри, по словам самого автора², лежат две идеи: во-первых, война дворянства и «третьего сословия», двух разных народов Франции, образовавшихся в результате завоевания франками Галлии, а во-вторых, коммунальная революция — борьба «третьего сословия» со своими сеньерами за освобождение. Эта концепция по своему политическому смыслу представляла собой «нечто вроде реабилитации средних и низших классов, предков третьего сословия, преданных забвению нашими современными историками. Сам выходец из простонародья, я требовал, чтобы ему была отдана его доля славы в наших анналах, чтобы получили дань уважения традиции плебейской чести, энергии и буржуазной свободы»³.

Так, согласно концепции О. Тьерри, началась борьба между французским дворянством, образовавшимся из завоевателей — франков — и средневековыми крепостными, которыми стали завоеванные галло-римляне. О. Тьерри в «Правдивой истории Жака Простака» сочувственно изобразил антифеодальную борьбу французского народа, выступил с оправданием крупнейшего крестьянского восстания средневековой Франции — Жакерии. С появлением городов к крепостным присоединились горожане, началась «коммунальная революция», которая, в изображении О. Тьерри, выступает как «величайшее социальное движение, какое только имело место со времени утверждения христианства до французской революции»⁴. Борьба крестьян и борьба коммун была направлена не только против феодалов, но и против короля.

Эту же концепцию О. Тьерри переносит и на историю Англии. В своем труде «История завоевания Англии норманнами» он считает, что история Англии есть история бесконечной борьбы завоевателей и завоеванных. Сначала это была борьба между англо-саксами, захватившими Британию, и местными кельтскими племенами, затем борьба между датскими завоевателями и англо-саксами, наконец, наступает самое крупное завоевание Англии — вторжение Вильгельма-Завоевателя в 1066 г. Это завоевание, по мнению О. Тьерри, и определило всю дальнейшую историю Англии. Против господствующей «расы» норманнов поднялся завоеванный англо-саксонский народ — горожане и крестьянство, — своего рода английское «третье сословие». Свидетельством этого является борьба английских городов против сеньеров и восстание крестьян под руководством Уота Тайлера. Все сочувствие О. Тьерри на стороне угнетенных.

На основе своего анализа истории Франции и Англии О. Тьерри делал обобщающие выводы: «Высшие и низшие сословия, ныне недоверчиво наблюдающие друг за другом или воюющие за идеи и общественные принципы, во многих странах суть не более как народы-победители и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 669.

² См. О. Thierry. Dix ans d'études historiques, Préface, P., 1851.

³ Там же, стр. 11.

⁴ О. Thierry. Lettres sur l'histoire de France. P., 1829, p.

народы-побежденные давно минувшей эпохи»¹. Из народа-завоевателя, захватившего земельную собственность, произошло, по мнению О. Тьерри, «воинственное дворянство, которое... господствовало над массой трудящейся и мирной... Раса побежденная, лишенная земельной собственности, свободы и самоуправления, существовавшая не оружием, а работой... составила как бы отдельное общество возле военной дружины победителей. Сохранив в стенах своих городов остатки римской цивилизации или начав новую цивилизацию... трудящийся класс двигался вперед по мере того, как слабело феодальное устройство дворянства»².

Земельная собственность, свобода и самоуправление — это, по сути дела, единственные критерии определения классов, которые выступают у О. Тьерри как «раса» или «народ». Источником, породившим эти «классы», является завоевание. Антифеодальный лагерь выступает у О. Тьерри в виде нерасчлененного «трудящегося класса» или «третьего сословия». О. Тьерри сознательно отстаивал тезис о единой и сплоченной массе «третьего сословия»; он решительно отрицал какую-либо внутреннюю борьбу внутри «народа». Но совершенно очевидно, что, говоря о «третьем сословии», т. е. об антифеодальном лагере с того времени, как вышли на историческую сцену городские коммуны, О. Тьерри имел в виду буржуазию и ее интересы. Он никогда под этим понятием не разумел угнетенный французский народ. По собственному признанию О. Тьерри, он всегда испытывал «глубокое отвращение к революционной тирании, безотносительно в какой угодно форме правления»³.

Такова первоначальная антифеодальная и антимонархическая концепция О. Тьерри. В дальнейшем она претерпела существенные изменения. Причиной этого была революция 1830 г., свергнувшая династию Бурбонов и сделавшая буржуазию правящим классом во Франции. Эта эволюция истории теории О. Тьерри неизменно шла в сторону сглаживания противоречий между «третьим сословием», с одной стороны, и дворянством и королевской властью — с другой. В противовес своим прежним утверждениям, О. Тьерри стал считать, что появление на французском престоле династии Капетингов означало примирение завоевателей и завоеванных. «Собственно говоря, это конец господства франков и замена правительства, опирающегося на завоевание, национальной монархией»⁴. Недавно выступавший противником завоевателей франков, О. Тьерри, теперь убежденный монархист, становится автором «Рассказов из времен Меровингов» — романтического бытописания франкских королей, завоевавших Галлию.

В 40-е годы О. Тьерри пишет свою последнюю и наиболее известную книгу «История происхождения и успехов третьего сословия». Автор ставил перед собой две задачи: во-первых, доказать, что «третье сословие» есть «не что иное, как вся... нация в целом, за вычетом дворянства и духовенства». О. Тьерри борется с теми, кто стремится «разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы... Обыкновенно склоняются к той мысли, что третье сословие отвечало тогда тому, что теперь называется буржуазией... Мнение это и ложное и вредное потому, что оно ищет в истории корни антагонизма, возникшего вчера и разрушающего общественное спокойствие»⁵. Во-вторых, он стремился доказать, что современную Францию создал союз королевской

¹ О. Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т. 1. СПб., 1868, стр. 3.

² Там же, стр. 3—4.

³ О. Thierry. Dix ans..., p. 2.

⁴ О. Тьерри. Избр. соч., М. 1937, стр. 255—266.

⁵ О. Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899, стр. 34.

власти и «третьего сословия», что «одна как бы является оборотной стороной другого»¹. О. Тьерри считал, что режим, созданный во Франции после революции 1830 г., полностью подтверждал и единство «третьего сословия», и союз его с монархией.

Эта концепция О. Тьерри потерпела полный крах. Когда автор стал-кивался с конкретным материалом французской истории, он вынужден был признавать раскол «третьего сословия», указывать на то, что корни (*racines*) этого раскола возникли уже давно; как указывал К. Маркс, книга О. Тьерри «дает наилучшее доказательство того, что „*racines*“ эти появились с возникновением самого „*tiers-état*“»².

Разразившаяся революция 1848 г. была для О. Тьерри настоящей катастрофой — февральская революция свергла монархию, а июньские дни показали не только раскол «третьего сословия», но и открытую гражданскую войну среди классов этого «сословия». Иначе говоря, рушилась вся историческая теория О. Тьерри. О революции 1848 г. О. Тьерри писал: «Я был потрясен ею вдвойне, как гражданин, во-первых, и затем как историк. Силой этой новой революции... история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция. Я приостановил свой труд, чувствуя упадок духа, который легко понять, и история, доведенная мною до конца царствования Людовика XIV, не пошла дальше»³. Революция обрвала «Историю происхождения и успехов третьего сословия», и с тех пор О. Тьерри уже больше ничего не писал. Начало борьбы пролетариата за власть было концом О. Тьерри как историка.

Подобный же путь прошел и другой крупный историк этой поры — Гизо. Связь политики и истории Гизо объявлял непреложной истиной. «Если история помогает политике, то политика в еще большей степени служит эту службу для истории. События настоящего освещают факты прошлого»⁴, — писал он. В 1820 г., выступая против правительства реставрации, Гизо пишет работу «*Du gouvernement de la France depuis la Restauration*», посвященную вопросам текущего момента. Этой работе он предпослал введение, в котором себе на помощь призывает историю. «Борьба классов наполняет, вернее, составляет эту историю»⁵. Классовое деление во Франции, по мнению Гизо, произошло в результате франкского завоевания Галлии; это определило социальную борьбу на протяжении всей истории Франции. «Более тринадцати веков Франция состояла из двух народов — народа-победителя и народа-побежденного. В течение более тринадцати веков побежденный народ боролся, чтобы сбросить иго народа-поработителя. Наша история есть история этой борьбы. В наши дни произошла решительная битва. Она зовется революцией»⁶.

Борьба крепостных в первые века истории Франции была трудна. Борьба эта становится более успешной с тех пор, как на помощь крепостным пришли горожане, организованные в городские коммуны. Далее на помощь коммунам приходит королевская власть, установившая с ними политический союз в целях борьбы с феодальной анархией. Этим открывался для «третьего сословия» путь к победе над дворянством, но после Людовика XIV короли разорвали союз с «третьим сословием» и стали на сторону дворян. Однако это не остановило усиление «третьего сословия». В то время как дворянство все больше опускалось, народ «побежденный» все более богател и повышал свой социальный вес. Борьба

¹ О. Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр. 36.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

³ О. Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр. 37.

⁴ Guizot. Essai sur l'histoire de France, P., 1857, p. VI.

⁵ Guizot. Du gouvernement de la France, p. VI—VIII.

⁶ Там же, стр. 1—2.

«третьего сословия» ознаменовалась революцией конца XVIII в. Гизо при этом подчеркивает, что «третье сословие» всегда выступало якобы единой и сплоченной массой. Революцию Гизо решительно оправдывает, ибо она была «борьбой ужасной, но справедливой». Однако, когда Гизо начинал делать практические выводы из своей исторической концепции, они вступали в явное противоречие с его теорией классовой борьбы. По мнению Гизо, борьба буржуазии и дворянства должна закончиться компромиссом в рамках реставрированной бурбонской монархии. «В лоне закона, и только там, может исчезнуть различие двух рас, двух народов», — настаивал Гизо. Такова его первоначальная концепция истории Франции.

В последующие годы она претерпела заметную эволюцию. В своей крупной работе «*Essai sur l'histoire de France*» (1823) Гизо отказывается от теории завоевания; он решительно возражает против тезиса о том, что «после завоевания все прежнее население Галлии стало неимущим и было сведено к положению рабов... Совершенно ясно, — заключает Гизо, — что ничего не может быть ошибочнее этой теории»¹. Основу классовых различий Гизо ищет теперь не в завоевании, а в отношениях земельной собственности, складывающихся независимо от завоевания. Исследованию этого вопроса Гизо и посвящает свои «*Essai*». В первом томе «Истории английской революции» (1826) он развивает этот тезис дальше и доказывает, что не только поземельные отношения, но отношения собственности в целом являются основой классовой борьбы. В этом же плане строятся и его дальнейшие работы — «История цивилизации в Европе» (1828) и «История цивилизации во Франции» (1829—1832).

Но отказываясь от теории завоевания, Гизо в этих работах не отказывается от идеи классовой борьбы. Он настойчиво подчеркивает историческое значение «третьего сословия», которое, по мнению Гизо, было «самым деятельным и решительным элементом французской цивилизации, определившим в конце концов ее направление и характер»; оно «в продолжение шести веков... заодно с королевской властью неумоимо трудилось над разрушением феодальной аристократии и ставило на ее место единственную центральную власть, чистую монархию, чрезвычайно близкую... к монархии неограниченной. Но лишь третье сословие одержало эту победу и произвело эту перемену, как оно стало стремиться к новой; оно нападает на ту самую единственную, неограниченную власть, которую оно же и помогло так усердно создать, задается целью обратить чистую монархию в конституционную и достигает этой цели»². Всего этого «третье сословие» достигает путем вооруженной борьбы. «Я с намерением употребил слово «восстание», — писал Гизо. — Освобождение коммун в XI веке было плодом настоящего восстания, настоящей войны, объявленной населением городов своим феодальным владельцам»³. С тех пор эта классовая война стала основным фактором исторического процесса; это была «борьба, наполняющая всю новую историю. Из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа»⁴.

Под «третьим сословием» Гизо понимает исключительно буржуазию. Утверждавший раньше, что «третье сословие» — это единая масса даже в революции конца XVIII в., он теперь доказывает, что уже в средние века оно не было единым. «Вы очень ошиблись бы, если бы вообразили себе, что внутренний порядок... коммуны был порядком мира и свободы:

¹ Guizot. *Essai sur l'histoire de France*, 1823, p. 301.

² Гизо. *История цивилизации во Франции*, т. IV. М., 1877, стр. 5—6.

³ Гизо. *История цивилизации в Европе*, 1860, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 192.

ничто не было от нее так далеко... внутри ее стен происходили чрезвычайные несогласия, шла вечно бурная жизнь, полная насилий, несправедливости и опасностей... Низшее сословие чувствовало постоянную зависть и грубо восставало против богатых хозяев мастерских, в чьих руках находились деньги и работа»¹; уже тогда, подчеркивал Гизо, в низах господствовал «слепой, необузданный, дикий, демократический дух»².

Такова историческая концепция Гизо, основанная на идее классовой борьбы. Вся она строится с точки зрения буржуазии; при этом обращает на себя внимание тот факт, что теория классовой борьбы, которую развивает Гизо, в конечном счете сводится к завоеванию буржуазией конституционной монархии — политического идеала Гизо. В отличие от О. Тьерри, Гизо с самого начала был монархистом. Революция 1830 г. была осуществлением его политических и исторических идеалов.

Революция 1848 г. создала кризис исторической теории Гизо. Новая революция была крушением июльской конституционной монархии, которой Гизо ревностно служил и которую он считал конечным идеалом всей французской истории. Под впечатлением событий 1848 г. бежавший в Лондон Гизо пишет книгу «*De la démocratie en France*», знаменовавшую коренной поворот в его взглядах. В этой книге Гизо следующим образом определяет историческое место революции 1848 г.: «Борьба различных классов нашего общества заполняет нашу историю. Революция 1789 года была всеобщим и наиболее мощным взрывом этой борьбы. Борьба дворянства и третьего сословия, аристократии и демократии, буржуазии и рабочих, собственников и пролетариев — вот различные формы и различные этапы той специальной борьбы, которая терзает нас столь продолжительное время»³. Революция 1848 г. явилась новым этапом в развитии классовой борьбы: «теперь выступил на сцену третий борец. Демократический элемент разделился; против среднего класса выступил рабочий класс, против буржуазии народ. И эта новая война есть такая же смертельная война, ибо новый претендент есть такой же надменный, такой же нетерпимый, какими были и другие. Только народ, по мнению этого претендента, имеет право на власть, и никакому сопернику, старому или новому, дворянину или буржуа, он не позволит делить с собой эту власть»⁴.

Но теперь Гизо излагает это лишь только для того, чтобы ополчиться против собственной же теории классовой борьбы; теперь он старается доказать, что классовая борьба — это «бич, это позор, с которым наше время не может примириться. Внутренний мир, мир между всеми классами граждан, мир социальный! Это — главная обязанность Франции, это крик о спасении»⁵. Весь смысл новой книги Гизо сводился к пропаганде целой программы классового мира во Франции, что на деле означало кровавое подавление рабочего класса. Исчерпывающую оценку этой позиции Гизо дал К. Маркс. «*Порядок!*» — таков был боевой клич Гизо... Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок*, так как они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок*, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покусился на этот порядок. Горе Июню!»⁶

¹ Гизо. История цивилизации во Франции, т. IV, стр. 58.

² Гизо. История цивилизации в Европе, стр. 201.

³ Guizot. De la démocratie en France. P., 1849, pp. 35—36.

⁴ Там же, стр. 107.

⁵ Там же, стр. 35.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 25.

Отказ от теории классовой борьбы сказался, в частности, на одном из крупнейших произведений Гизо — «Истории английской революции». Первый том этого труда был написан, как уже сказано, в 1826 г., все последующие — после революции 1848 г. Приступая к продолжению этого труда, Гизо предпослал ему особое введение «Почему удалась английская революция?», в котором изложил свою новую точку зрения на революцию. В 20-е годы он рассматривал революцию как «великую битву» третьего сословия с дворянством, теперь он отвергает революцию в самом принципе, ибо для него «революция сама по себе уже есть беспорядок, страшный и безызвестный, которым общество повергается в великие бедствия»¹. Английскую революцию XVII в. он ставит выше французской конца XVIII в. потому, что английская революция носила консервативный, религиозный характер. В то время как в первом томе Гизо доказывал, что английская революция была решительным разрывом со всеми старыми традициями, теперь он, наоборот, старается доказать, что деятели революции даже «и не думали, что понадобится революция. Им были дороги и святы законы, предания, примеры, все бывшее их отечества: в них находили они опору своим требованиям и санкцию своим идеям»².

Раньше для Гизо гражданская война — это «славное знамение начинавшегося тогда переворота общества» — была выражением силы английской революции; теперь Гизо утверждает, что «мысль народа не шла дальше легального сопротивления и совершенно уверяла себя парламентом»³, что правительство Кромвеля, подавляя левеллеров и диггеров, действовало «смело и хладнокровно, с верою в свое право и в свои силы, как действует правительство против бунтовщиков, а не как партия против соперников»⁴. Ранее защищавший тезис о том, что революция была «борьбой ужасной, но справедливой», и оправдывавший все «крайности» революции, Гизо теперь не находит слов, чтобы выразить негодование по поводу казни Карла I. Но особенно ужасают Гизо боевые выступления народных низов. Они, по его словам, вызвали «всеобщий страх за свободу и собственность. Эти люди думали, что если у одного человека есть двенадцать коров, то другой, у которого их нет, имеет право войти в долю к своему соседу. Кто бы мог сказать, что у него есть что-нибудь, если бы это продолжалось»⁵. Борьба низов, утверждает Гизо, угрожала гибелью всему обществу, ибо дело касалось «прав собственности и наследства, прав, за которые трудно взяться, не производя потрясения в целом организме общества»⁶. И даже «Славная революция» 1688 г., которую Гизо объявляет своим идеалом, и та берется под подозрение, потому что она была пусть «славная», но все же революция; «таков природный порок всех революций, что даже самая необходимая из них, самая законная, самая сильная повергает спасаемое ею общество в великие смуты и долгое время остается сама в положении шатком и опасном»⁷. Все это было отречением не только от революции английской, но и от революции французской, служившей раньше для Гизо знаменем в его борьбе с феодализмом; это был разрыв со всем прогрессивным прошлым французской буржуазии, переход с позиций буржуазной революции на позиции буржуазной реакции.

¹ Гизо. История английской революции, т. I. СПб., 1868. Введение, стр. XXV.

² Там же, стр. LXXV.

³ Там же, стр. IV.

⁴ Там же, т. II, ч. 2, стр. 39.

⁵ Там же, т. III, ч. 2, стр. 260.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, т. I, Введение, стр. XXX.

Такова теория классовой борьбы, которую развивали О. Тьерри и Гизо, и та эволюция, которую эта теория претерпела. В своих основных чертах она напоминает историческую концепцию Сен-Симона. И это далеко не случайно. Дело в том, что теория О. Тьерри и Гизо складывалась при ближайшем влиянии Сен-Симона и заимствовала все главные его исторические идеи. Первый, кто в русской литературе обратил на это внимание, был Г. В. Плеханов. В своем труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он писал: «Огюстен Тьерри обязан был Сен-Симону всеми своими историческими идеями»¹. Это же он относил и к Гизо, ибо «бесспорно, что тот, кто внимательно прочтет Сен-Симона, не найдет в трудах Гизо ничего нового по части философии истории»². Анализ теорий Сен-Симона, О. Тьерри и Гизо подтверждает это со всей несомненностью.

Как известно, молодой О. Тьерри был личным секретарем Сен-Симона, считал себя его «приемным сыном» и являлся его непосредственным учеником. Его первые работы: «О реорганизации европейского общества» (1814), «Соображения о мероприятиях против коалиции» (1815), «Союз литературы и науки с торговлей и промышленностью» (1817) — были им написаны совместно с Сен-Симоном и содержат его идеи. С 1817 г. О. Тьерри порвал со своим учителем и старался стереть всякие следы сотрудничества с ним, в частности пытался доказать независимость своих идей от идей Сен-Симона. В особенности это относится к идее, составляющей исходный момент всей его концепции, — идее завоевания Галлии франками. О. Тьерри утверждает, что его идея завоевания — английского происхождения. «Однажды... когда я внимательно перечитал некоторые главы Юма, я был осенен идеей, которая поразила меня, как удар молнии, и я воскликнул, закрывая книгу: все это пошло от завоевания, в основе всего лежит завоевание»³. И продолжает далее: «Проблема норманского завоевания силой аналогии привела меня к изучению великой проблемы германских вторжений и распада Римской империи»⁴.

Искренность этого утверждения О. Тьерри вызывает законное сомнение. Книга Юма не могла иметь столь решающего значения для О. Тьерри, ибо идея завоевания была старой французской идеей, одной из главных идей в борьбе дворянской и буржуазной исторических концепций еще в эпоху Просвещения. Граф Буленвилье сделал идею завоевания исходным моментом своей концепции и из прав завоевателей-франков выводил историческое оправдание господству дворянства во Франции. Его буржуазный оппонент аббат Дюбо, отрицая право дворян на господство, должен был отрицать тогда и самый факт завоевания как исторический аргумент дворянских историков. В годы реставрации идею завоевания развивал дворянский идеолог Монлозье — непосредственный противник О. Тьерри, Гизо и других буржуазных историков. Но теперь, в отличие от своего предшественника Дюбо, буржуазные историки признали идею завоевания и повернули ее против дворянства. В этом признании завоевания и использовании этой дворянской идеи против самого же дворянства состоит одно из отличий французской буржуазной историографии периода реставрации от буржуазной историографии эпохи Просвещения.

Однако в использовании идеи завоевания против дворянства буржуазные историки времен реставрации, в том числе О. Тьерри и Гизо,

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 22.

² Там же.

³ O. Thierry. Dix ans..., стр. 1—2.

⁴ Там же, стр. 5.

не были оригинальны. Они имели в этом своих предшественников в лице Мабли и Сен-Симона. Как мы видели, идея завоевания составляла исходный тезис в исторических концепциях этих мыслителей и развивалась ими задолго до выступления О. Тьерри, Гизо и других буржуазных историков периода реставрации. От Сен-Симона она перешла к его ученику О. Тьерри и получила распространение во всем лагере буржуазной историографии. И совершенно очевидно, что только желание решительно отмежеваться от своего учителя заставило О. Тьерри создать легенду о заимствовании этой идеи из Англии. Нужды в заимствовании идеи, на которой воспитывался сам О. Тьерри, не могло возникнуть.

То же следует сказать и о других основных идеях концепции О. Тьерри и Гизо. Если идеи их первоначальных исторических концепций мы станем сравнивать с историческими идеями Мабли и Сен-Симона, то нас не может не поражать их сходство. Решающий признак для определения класса — признак, которым постоянно оперировали О. Тьерри и Гизо, — земельная собственность или собственность вообще, мы встречаем значительно раньше у Мабли, у бабувистов и у Сен-Симона; тезис О. Тьерри и Гизо о борьбе средневековых городских коммун, как о «великой революции», имеет свой точный прообраз в исторической концепции Сен-Симона. Идея Сен-Симона о союзе «промышленников» с королевской властью нашла свое развитие у О. Тьерри и Гизо в виде союза «третьего сословия» с абсолютизмом. Известная двойственность постановки Сен-Симоном вопроса об отношениях между классами «третьего сословия» (Сен-Симон говорил о едином промышленном классе; в последние годы, наоборот, отстаивал идею борьбы между имущими и пролетариями) использовалась О. Тьерри и Гизо по-разному. О. Тьерри отстаивал тезис о единстве «третьего сословия», хотя действительность заставила его признать ошибочность этого тезиса. Гизо вначале придерживался идеи единства «третьего сословия», затем открыто признал факт раскола внутри этого «сословия». Как мы видели, идея раскола «третьего сословия» еще раньше развивалась Мабли. Именно под влиянием Сен-Симона ранний О. Тьерри свою задачу видел не в изображении истории королей, а в изображении истории народа, именно под влиянием Сен-Симона О. Тьерри говорил о тунеядстве дворянства и духовенства, именно под его влиянием первоначальные теории О. Тьерри и Гизо носят боевой характер, проникнуты идеей борьбы «третьего сословия» с дворянством, идеей восстания. В вопросе о восстании молодые О. Тьерри и Гизо явились наследниками традиции, развивавшейся до них Мабли, бабувистами и Сен-Симоном.

Иначе говоря, нельзя правильно понять О. Тьерри и Гизо, не учитывая влияния на них Сен-Симона и его предшественников. Подчеркивая влияние Сен-Симона, Г. В. Плеханов писал: «Насколько новы и широки были его взгляды, видно из того, что его ученик О. Тьерри мог совершить чуть ли не целый переворот в разработке французской истории»¹. Именно этот боевой характер в постановке основных вопросов своей концепции составляет наиболее ценную сторону деятельности О. Тьерри и Гизо, именно это дало К. Марксу основание назвать О. Тьерри отцом классовой борьбы во французской историографии².

Но говорить о влиянии Сен-Симона на О. Тьерри и Гизо — значит говорить о тех элементах, которые вошли в их исторические концепции. Из этих элементов они создали исторические теории, качественно отлич-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 90.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

ные от теории Сен-Симона и его предшественников. Все идеи, заимствованные у Сен-Симона, где они служили интересам нарождавшегося пролетариата, О. Тьерри и Гизо приспособили к интересам буржуазии; они их развивали и интерпретировали с таким расчетом, чтобы обосновать господство буржуазной собственности и право буржуазии на руководство государством. Буржуазные историки поэтому прошли мимо тех исторических идей Сен-Симона, которые не укладывались в рамки буржуазной теории. К таким, например, принадлежат тезис Мабли и Сен-Симона о враждебности государства собственникам интересов широких масс народа, тезис Сен-Симона о решающей роли народных масс во французской революции конца XVIII в., о незавершенности этой революции, о необходимости во Франции новой революции, отрицательная оценка Сен-Симоном английской буржуазной революции, не давшей ничего народу, и т. д.

Буржуазные историки даже в лучшие для них времена страдали буржуазной ограниченностью: они не хотели, да и не могли поставить вопрос о действительном происхождении собственности и классов, об эксплуататорской природе буржуазной собственности. Борьбу эксплуатируемых масс со своими угнетателями они не только не считали основным фактором классовой борьбы, но, наоборот, или не хотели ее признавать, как О. Тьерри, или относились к ней с открытой враждебностью, как Гизо. Кстати сказать, на это важнейшее обстоятельство Г. В. Плеханов не обратил никакого внимания при оценке идей О. Тьерри и Гизо. Далее, буржуазные историки периода реставрации тщательно затушевывали классовую сущность и угнетательский характер буржуазного государства, изображая его как конечную цель всего исторического развития. Наконец, как мы видели, создав свою теорию классовой борьбы, они потом отреклись от нее, потому что, установив свое господство, буржуазия требовала от пролетариата классового мира во имя охраны капитализма, который она стремится увековечить.

Таковы истоки буржуазной теории классовой борьбы. Анализ этой проблемы показывает, что указание К. Маркса на то, что буржуазные историки задолго до него изложили историческое развитие классовой борьбы, вовсе не означает, что приоритет в открытии классов и классовой борьбы принадлежит якобы буржуазной науке. Первые мысли о существовании классов и классовой борьбы принадлежат представителям домарксовской *социалистической* мысли. Идеологи буржуазии ее лучшей поры лишь использовали эти идеи для создания теории в интересах захвата власти буржуазией. Творцом же подлинной теории классов и классовой борьбы в интересах построения коммунистического общества был Карл Маркс.